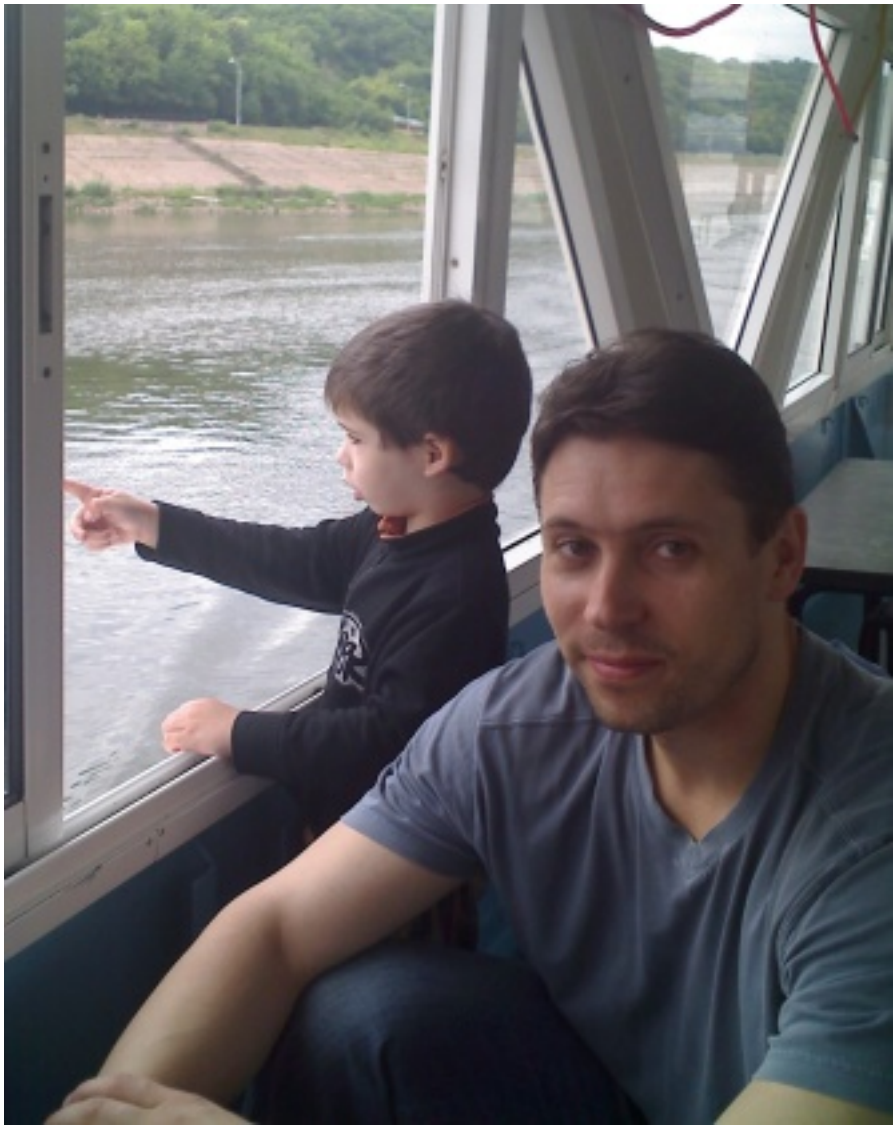

Живет в Уфе (Россия).

Голгофка

Расчерчен на квадраты белый лист:
Три на три - наше игровое поле.
Итак, скажи, а выиграть легко ли,
Играя здесь за нолики, Улисс?
Замкнув свой круг, покуда не ослеп,
Я вслед другим – унылый и неловкий –
Иду к своей малюсенькой голгофке
И нолик ставлю крестику вослед.
Суха и неподатлива земля
И плодотворна только для сомнений.

Так отчего ж мой нолик -
«nota bene!» -
Выходит самым краем за поля?

Чудо-иудо

Всегда найдется в жизни место чуду,
Учили нас веками мудрецы...
Попробуй в сердце выуди иуду
И удали, что тот аппендицит.

И в то лицо знакомое всмотрись ты
И удивись иконописности,
Пока ты сам - пилатово расхристан -
Не сколотил из строк убогий стих,

Пока не давит камешком надгробным
Простое откровение на грудь,
Пока не проявляется хитро в нем
Осиновая высохшая суть...

Panno Domini

В провинции дремота и покой.
Наместника дворец устал от вони.
И в коридорах шум и беготня:
Ту вонь не спрятать хойей никакой.
Флорист стоит бессильно на балконе,
И не решить проблемы без огня.

Еще стоит на площади колосс.
Имперские начищенные вазы
Скучающе пылятся по складам:
На качественный импорт больший спрос.
А юноши - смуглы и черноглазы -
Все чаще называются «Саддам».

Толкует о прозрении слепой.
Пророчицы боятся снова сглазить,
Хоть этот сглаз совсем не их вина.
Теперь пророком может быть любой.
И Цезаря портрет на новой вазе
Сметается порывом из окна.

Легионеры, пьяны и толсты,
Гоняют иудеев на досуге.

Они давно забыли вкус войны.
Глаза их и сердца не колет стыд.
Из темноты кричат им громко «суки!»
И не жалеют для плевка слюны.

Наместник в церкви со Святым Отцом
Коньяк хороший пьет в его приделе.
Внимают оба хору вдалеке.
Святой Отец с возвышенным лицом,
В богатом платье на дебелом теле
И ролексом на пухленькой руке

Двумя перстами молча гладит крест,
Кивая в такт тому, что лжет Наместник,
Подумывая про себя тайком,
Мол, бог не выдаст - цицерон не съест.
Вчера из Рима был хороший вестник,
Что будто бы Наместника пинком

Под тощий зад отправят на покой.
Но вот кого пришлют, никто не знает.
Хотя какая разница, кого!?
Он смотрит на Наместника с тоской,
На чьем лице колеблется резная
От рамы тень, и слышит шум когорт,

Вползающих, как в тихий дом змея,
В наш сонный город - кто бы знал о сроке.
Как слышу этот шум и я. Свеча
Едва горит. Строка дрожит моя.
Но невозможно образы и строки
Утихомирить с помощью меча.

Я за столом. Малыш в кроватке спит,
Пока я вдохновенью чищу перья,
Слова пытаясь на листе толочь.
Горшок стиха, что топотом разбит,
Не склеивается никак. Теперь я
Боюсь, что этот шум разбудит дочь.

Ей предстоит среди осколков жить.
Среди былой Империи осколков.
Мозаика, пожалуй, та еще!
И воздух от предчувствия дрожит.
(А может быть, предчувствия и только?)
И хочется плевать через плечо.

Но там очаг. В нем ластится огонь
Домашней кошкой, что мурчать готова.
Ладонь тепла касается лица.
Пусть меж осколков или сквозь него
Дочь, повзрослев, увидит несвятого,
Но что-то все же давшего отца.

Когда пойдет крушиться все подряд,
Чего потом ей про меня расскажут
Те языки, что хлеще помела!?
И если правда, свитки не горят,
То я стихом, возможно, счищу сажу
Глухих времен с невинного чела.

Наместник же, что заливает страх,
Но доверяет призрачной фортуне,
Что до сих пор к нему была нежна,
Бормочет тупо в чашу «праху прах»,
На помощь ¬– бог весть, чью – надеясь втуне.
Но мышца на лице напряжена,

И дергается глаз. Жену вчера
Опять с секретарем застала стража.
Но что жена, когда то тут, то там
Все чаще плещут сполохи костра!?
И в чаше – словно не вино, а сажа.
И хочется отплюнуться устам.

Но он не суеверен. (И Святой
Отец глядит имперскою вороной -
Красивые, пустые муляжи -
И молча пьет.) Но тот полупустой
Глубокий кубок, выпитый синхронно
С Отцом Святым, предательски дрожит.

Опять кого-то присылает Рим
Из молодых. Попробуй тут узнай, чей
Сыграет шанс. Хотя не все ль равно!?
Поодиночке, вместе ли сгорим.
И солнечный беспечный, наглый зайчик
Макает лапки в терпкое вино.

С груди Наместника имперский герб
Косится в чашу. Будь хоть капля веры,
Что ворон смерти хоть на миг ослеп,
Наместник бросил все бы: среди верб

Отцовский дом, семью - и принял меры,
Сбежал подальше, хоть и на осле б...

Вдоль улиц проезжает на осле
Нелепая и тощая фигура,
Как будто предвещая волшебство.
Толпа плебеев тащится вослед.
Солдаты и купцы взирают хмуро,
И чаша наполняется его.

Немые блики солнечных лучей
Смеются на броне солдат. И крови -
не масла, слез, вина или воды -
Пока еще не пролито ничьей.
Идут ряды к дворцу, и шаг их ровен.
И в такт им буквы строятся в ряды.

Покой и сон ленивых волн в порту.
И набережная, что за день нагрета,
Полна еще скучающих матрон.
А солнце опускается ко рту
Морскому - полустертая монета,
Что забирает сумрачный Харон...

О себе

Очень широко известен в очень узких кругах. Был не опубликован в журналах "Интерпоэзия", "Новая юность", "Урал", "Волга", "День и ночь", "Слово", "Арион", "Новая реальность". Готовятся неопубликования в "Новом Мире", "Октябре", "Звезде" и других значительных литературных журналах.

Автор: Оргкомитет
31.03.2014 10:09

